

Дмитрий Львович Быков

Новые письма счастья

Серия «Поэтическая библиотека»

Свои стихотворные фельетоны Дмитрий Быков не просто назвал письмами счастья. Есть полное впечатление, что он сам испытывает незамутненное блаженство, рифмуя ЧП с ВВП или укладывая в поэтическую строку мадагаскарские имена Ражуелина и Равалуманан. А читатель счастлив от ощущения сиюминутности, почти экспромта, с которым поэт справляется играючи. Игра у поэта идет небезопасная – не потому, что «кровавый режим» закует его в кандалы за зубоскальство. А потому, что от сатирика и юмориста читатель начинает ждать непременно смешного, непременно уморительного. Дмитрий же Быков – большой и серьезный писатель, которого пока хватает на все: и на романы, и на стихи, и на эссе, и на газетные колонки. И, да, на письма счастья – их опять набралось на целую книгу. Серьезнейший, между прочим, жанр.

ОТ АВТОРА

Сочинять политические фельетоны в стихах я начал, когда мне надоело делать это в прозе. Вероятно, это было как-то связано с отсутствием ротации в русской политике, или с дефицитом живых и ярких персонажей в ней, или с повторяемостью ее событий: как справедливо писал Слуцкий, поэзия делает интересным даже то, что в прозе уже категорически не звучит.

Сначала «Письма счастья» появлялись в «Огоньке», потом переключались в «Новую газету». Обоим главным редакторам – Виктору Лошаку и Дмитрию Муратову – я благодарен за долготерпение.

Постепенно фельетоны стали еженедельными и начали собираться в книжки. Читателю, наверное, приятно вспомнить, как все это было. Может быть, зарифмованная реальность приятней, эстетичней обыкновенной. Как бы то ни было, «Письма счастья» в 2005 и 2007 годах вышли в «Новом геликоне» (СПб.), а в 2009, под одной обложкой с серьезными стихами, – в «Вагриусе».

В этой книге впервые собрано то, что я писал в последние два года, и кое-что из предыдущего, неустаревшего. Автор надеется, что читать их будет хоть вполтину так же весело, как писать.

Дмитрий Быков
Москва, июль 2009

ЮБИЛЯР

Июнь 1999. Двухсотлетие Пушкина.

Виват! Пред славным юбилеем
Страна трудилась день-деньской.
Залит отборнейшим елеем
Кумир зеленый на Тверской,
Кумиру чистят бакенбарды,
Палят из пушек, жгут петарды,
Над кучерявой головой
Виется дым пороховой,
И всё родное Хаммурапи —
Дядя без правил, голь, ворье,
Семья и присные ее, —
Повисли на одном арапе:
Вцепились с воплем «Погоняй!»
И мыслят ехать прямо в рай.

И с кепкой мэр, и Лебедь Саша,
И первых вице череда
Кричат: он наше все! он наше!
Все, да не ваше, господа.
И мэр, и нищий в переходе
Равно чужды его природе;
И от братка, и от бомжа
Он отвернулся бы, дрожа.
И русопят, и гордый горец,
И воин, что пред ним дрожит,
И профессиональный жид,
И самоучка-жидоборец —
Все чернь. А впрочем, белизна
У нас не менее грязна.
Но наш поэт, любивший славу,
Не отказался б от венка.

Ему, я думаю, по нраву,
Что треплют лавры старика,
Что не на нужды жизни низкой
Сбирают денежку подпиской,
А на издание плодов
Его михайловских трудов,
Что новое запомнит слово
Юнец, который в двадцать лет
Знал только слово «Интернет»;

И наконец, что не Лужкова,
Не Коха, не Бородина
Так пышно чествует страна.

Прости, поэт. Но если после
Всех этих воплей и пальбы
Души, коснеющей в коросте,
Коснется жар твоей судьбы,
И тот, кто был тупой скотиной,
Запомнит только звук единый,
И слово сможет уколоть
Его жиреющую плоть,
И тайным веяньем иного,
Таинственного бытия
Строка единая твоя
Иль хоть единственное слово
Смутит царей, проймет псарей, —
Не зря и этот юбилей.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОДА

Сентябрь 1999

Пока вокруг опасности таятся
И вся страна дежурит до шести,
Министра чрезвычайных ситуаций
Хочу воспеть и к власти привести.
Но так как я придумать рифму к «ШОЙгу»
При всем своем таланте не могу,
То вместо установленного «ШОЙгу»
Я буду называть его «ШойгУ».

Отечество мое, как идиота,
Приходится спасать сто раз на дню.
Здесь есть одним спасателям работа —
Все прочие давно пошли ко дну.
Упал ли дом, нашли в крупе взрывчатку,
Жарою выжгло тундру и тайгу,
Без топлива оставили Камчатку —
Везде спешат спасатели Шойгу!
Старик забыл, где выход из сортира,
Ребенок ли объелся творогу,
Открылся свищ, закрылась ли квартира —
К тебе спешат спасатели Шойгу!
В моей стране, где даже к честной власти
Относятся как к злейшему врагу,
Исправить ситуацию отчасти
Способны лишь спасатели Шойгу!
Поэтому пора, не отлагая
До будущего лета этих дел,
Избрать его, Отчизна дорогая,
Чтоб он один тобою овладел.

Его ребят я не устану славить,
Его бойцам — приветствия писать...
Америкой, быть может, можно править,
Но Родину давно пора спасать.

БИТВА ТИТАНОВ

Октябрь 1999. Информационная война Гусинского с Березовским, Семьи с ОВР, «Итогов» с «Программой Сергея Доренко».

На авансцену выходят Сергей Доренко с противотанковым ружьем. Следом за ним из-за кулисы Евгений Киселев выкатывает тяжелую шарманку.

ДОРЕНКО (аккомпанируя на противотанковом ружье):

Лужков — супруг своей жены,

Он муж Батуриной Елены,

И все Батурины страны —

Его семьи огромной члены!

Никто доселе не раздул

Разоблачения такого!

Мне кнопку бросили на стул,

И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (заводя шарманку):

А Ельцин старый и больной,

Он стал посмешищем для мира,

Четвертый год рулят страной

Его семья и два банкира!

Один — Роман, другой — Мамут,

Татьяна их гоняет шваброй...

Меня, наверное, убьют

За то, что я ужасно храбрый!

ДОРЕНКО (стреляя в воздух):

Лужков привык грозить Кремлю,

Прикрывшись честною личиной!

Его я в Африку сошлю,

Переодев его мужчиной!

Лужков и Пакколи — друзья.

Мэр не сказал о том ни слова.

В Испании объелся я,

И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (крутя шарманку):

А Ельцин старый и больной,

Системный кризис абсолютен,

Правитель нужен нам иной,

И до весны сгодится Путин,

А там «Отечества» отцы

Народ возглавят очумелый...
Боюсь, что мне придут концы
За то, что я ужасно смелый!

ДОРЕНКО (*разражаясь градом выстрелов*):

Лужков — чудило из чудил.

Кот испугался попугая!

Сначала дело возбудил,

За клевету меня ругая,

Но после двух недель возни

Его закрыли бестолково.

Я на свободе, черт возьми,

И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (*вертя ручку*):

А Ельцин старый и больной!

Он говорит с ужасным хрипом!

Помимо всяких параной,

Он третий год болеет гриппом!

Отшибло ум у старика,

Он разгребает хлам бумажный...

Меня убьют наверняка

За то, что я такой отважный!

ДОРЕНКО (*стреляя*):

Лужков — пахан и крестный дон!

КИСЕЛЕВ (*играя*):

Дьяченко — в роли кардинальши!

ДОРЕНКО:

Услать Лужкова за кордон!

КИСЕЛЕВ:

Отправить Ельцина подальше!

ДОРЕНКО:

Московской мафии — капут!

КИСЕЛЕВ:

Семья к отплытию готова!

Меня убьют! Меня убьют!

ДОРЕНКО:

И это происки Лужкова!

ИНСПЕКТОР РОБЛЕС

Февраль 2000.

Международная инспекция в Чечне. Сцена изображает Чечню. Чечня выглядит соответственно.

ХИЛЬ-РОБЛЕС, комиссар Совета Европы:

Чечня желала отделенья,
Вы утвердили власть Москвы...
Но эти мирные селенья
Изрыты взрывами, увы!
Тут след от танка, там — от «Града»
Чернеет выжженный провал...
Ужели так оно и надо?
Суворов так не воевал!

ВЛАДИМИР КАЛАМАНОВ:

Вы зря, любезный, завздыхали.
Вы зря, милейший, трете глаз.
Мы не взрывали. Мы пахали!
Чеченцы сами просят нас!
Позавчера совет старейшин
Нам предложил cooperation.
И техника прошла парадом,
Взрывая почву и рыхля:
Мы артиллерией и «Градом»
Вспахали мирные поля!

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*смущенный*):

Пусть так. Но видел я не дале,
Как день назад, вблизи Шали:
Чеченца к танку привязали
И вслед за танком волокли!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ:

Мой друг! Довольно провокаций.
Какая свалка в голове!
Вы начитались публикаций
И насмотрелись НТВ.
В борьбе с чеченским бездорожьем
Мы не жалеем наших сил.
Ну, привязали. Ну, положим.
Так он же сам и попросил!
Ему бы до родного братца
В село желательно добраться:

Машина вязнет — глинозем...

Нас попросили — мы везем!

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*потрясенный*):

О да, о да... Ведь тут разруха...

Но мне почудилось слегка —

Один солдат отрезал ухо

У пленного боевика...

ИГОРЬ ИВАНОВ:

О друг мой, сколько вам наврали!

Как журналисты нам вредят!

Не порицанья, а медали

Достоин добрый сей солдат:

Чеченец, жертва золотухи,

Имел нарыв на этом ухе!

Отрезав ухо, наш Ахилл

Гангрены тем предотвратил!

ХИЛЬ-РОБЛЕС:

Да, вы ни в чем не виноваты,

Но мне бы фильтры посмотреть:

Мне говорят, что там солдаты

Чеченцев заставляли петь!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ:

Во врут-то, гады! Вот пурга-то!

Да тут чеченский весь народ

При виде русского солдата

Луженым голосом поет:

«Ура, ура! Ликуют детки!

Пришел на родину покой!»

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*робко*):

А это... кто висит на ветке?

ВЛАДИМИР КАЛАМАНОВ (*дружески*):

А... это слива. Сорт такой.

НАКАЗАННОЕ КОРЫСТОЛЮБИЕ, ИЛИ БЛУДНЫЙ ОТЕЦ

Нравоучительная драма XVIII века

Декабрь 2000

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: *Блудный Отец* — мужчина с характерной внешностью, лет пятидесяти. Быстрая речь, бегающие глазки. *Добродетельный Сын* — мужчина лет сорока пяти с губастым, открытым и честным лицом.

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

Внемли, жестокий сын моих мохнатых чресел!

Почто ты на меня ярлык врага навесил?

Почто не обратишь губастого лица

Ты в сторону меня, несчастного отца?

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Нет, ворон, я не твой! С упрямством ишачиным

Меня, главу страны, ты называешь сыном.

Дитя я органов и доблестной Семьи,

Но эти органы, папаша, не твои!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

Помилуй, дитятко! В семье признали сами —

Я создавал тебя вот этими руками!

Ты плод моих трудов, моих костей и жил,

А сколько долларов в тебя я заложил!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Ты деньги на меня давал по доброй воле.

А чем ты нажил их? Трудом полезным, что ли?

Спасибо же скажи, что я еще слегка

Даю тебе давно уместного пинка.

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ (*бурно жестикулируя*):

Нет, вы послушайте! О боже, боже правый!

Не я ли год назад вскормил тебя «Андавой»?

Не я ли, сколотив «Единство», сбился с ног?

О да, я воровал — но для тебя, сынок!

Кристалльный, как Прудон, расчетливый, как Струве,

Я все, что добывал, тащил тебе же в клюве!

Я первые твои купил тебе штаны,

А ты меня теперь погонишь из страны!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Ты мне купил штаны помимо всяких правил,

А скольких россиян ты без штанов оставил?
Ужели веришь ты, что за твои штаны
Все власти потакать тебе обречены?
Беги, ты мне никто! Скажи еще спасибо,
Что ты наказан днесь не стройками Запсиба
И не Чукоткою, как твой дружок Роман,
А выслан за рубеж и прячешься в туман!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ (*глумливо*):

А если рассказать стране и правосудью,
Как я тебя кормил вот этой самой грудью?
А если я скажу ликующей толпе
Всю правду про тебя, про Таню и тэ пэ?
Когда ты не вернешь мне прежних преференций,
Я столько соберу таких пресс-конференций,
Что книги Коржика, чтоб был он так здоров,
Тебе покажутся вкусом комаров!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН (*с достоинством*):

Да, это аргумент расчетливый и скотский.
Но помнишь — за рубеж был выслан некто Троцкий?
Он тоже был хитер и временами груб,
Однако на него нашелся ледоруб!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

О, нечестивый сын! Кому грозишь ты плахой?
Куда, куда меня ты посылаешь?!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

К черту!

А вы запомните, блудливые отцы:
Вас тоже могут ждать подобные концы.

ЮБИЛЕЙНОЕ

*К 70-летию Бориса Ельцина
Январь 2001*

Незабвенный Борис Николаич!
Черт со свечкою, поп с кочергой!
Все, чего ты себе пожелаешь,
Пусть сбывается, друг дорогой!
С угрожающей грацией лося
Ты гонял окружающих лис...
Пусть бы все это так же сбылось,
Как твои обещанья сбылись!

Что сулил нам возлюбленный Ельцин?
Право, кончу ли, если начну!
Собирался ложиться на рельсы
И в покое оставить Чечню,
А реформы, свободы, дефолты,
А привычка премьеров менять...
Впрочем, нет. Не настолько мы желты,
Чтоб Борису сегодня пенять.

Не такие мы, Боря, путанки!
Ты за все заплатил головой.
Ты в историю въехал на танке
И уполз из нее чуть живой.
Пусть, при жизни в забвение канув,
Попирают тебя остряки:
Ты взрастил поколение титанов.
Может статься, себе вопреки.

Вот они — широки, гонористы,
Демократии нашей творцы:
Губернаторы, авантюристы,
Олигархи, писаки, борцы!
Рос любой, кто с тобою связался,
Попадая на твой карнавал.
Даже жулик гигантом казался
(Ибо кто еще так воровал?!).

Несравненных ты вырастил гадов,
Сверхгигантских вскормил пауков:
Березовский, Гусинский, Масхадов,
Сосковец, Барсуков, Коржаков...
Но зато и какие герои!

Кох, Чубайс, и Лужок-на-Москве,
И Явлинский, раздувшийся втрое
От сознания, что он в меньшинстве!

Ты все реже являешься, скромник,
Ты навеки Барвихой пленен.
Твой преемник похож на приемник,
Детприемник дзержинских времен.
Все как будто бы тихо и гладко,
Старикам прибавляют монет,
Есть иллюзия полупорядка...
Все в порядке. А воздуха нет.

РАЗБОР ПРОЛЕТОВ

Июнь 2001. Арест Владимира Гусинского после недавней истории с таинственным исчезновением и столь же таинственным обнаружением Андрея Бабицкого.

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. ПУТИН нервно ходит по ковру. На ковре перед ним — вызванные на разбор полетов Рушайло, Патрушев и Устинов.

ПУТИН:

Это что же вы творите, сукины сыны?
В США и в Лондон-сити все потрясены!
Говорят, что я свободу прессы удушил
И российскому народу хавальник зашил!
Я ж велел вам только прессу мягко уломать,
Не теряя политесу, шлеп же вашу мать!
Вы ж Бабицкого ломали, как тайфун — тростник!
Нешто вы не понимали, резник и мясник?!

СИЛОВИКИ (*хором*):

Ну, пускай наполовинку пережали пресс —
Нам же все-таки в новинку этот политес!
Не чуждайся нашей дружбы и не обессудь:
Мы ведь все ж таки спецслужбы, а не кто-нибудь!

ПУТИН:

Ну, Бабицкого прощу хоть. Но налет на «Мост»?!
Я же вас просил прощупать, потянуть за хвост,
Но устроить маски-шоу посреди Москвы —
Это, братцы, по-большому мне наклали вы!
Можно было компроматом рожи им намять,
Но нельзя же автоматом, шлеп же вашу мать!

СИЛОВИКИ:

Ну допустим, ну а фиг ли? Тут же враг кругом!
Мы же, Вова, не привыкли цацкаться с врагом!
Так что мы не виноваты, зря не голоси:
Мы ж ведь все-таки солдаты, а не хрен соси!

ПУТИН:

Что же мне, раздать награды? Ручки вам пожать?
Ну Гусинского-то, гады, кто велел сажать?
Я ж сказал — пугнуть немного. Дескать, доконал.
У него ж, у демагога, собственный канал!
Тут про эту предварилку воеет целый свет!
Я ж сказал — «Загнать в бутылку», а в Бутырку — нет!

СИЛОВИКИ:

Что он тут торчал, как цаца, грязью нас полив?
Пусть он едет издеваться на фиг в Тель-Авив!
Пред тобой, Вован, мы чЁсты, или нет, чисты,
Мы ж ведь все-таки чекисты, ровно как и ты!

ПУТИН:

Да конечно, это суки, сволочи, враги —
Но ведь нам связали руки внешние долги!
Запад как о троглодите воеет обо мне!
Вы уж все-таки блюдите видимость вовне!
Чтобы мы хотя б снаружи, глядячи в упор,
Были все-таки не хуже, чем до этих пор!
Занимайтесь тут хоть сыском, жмите всю печать,
Но кончайте вы с Гусинским!

СИЛОВИКИ (радостно):

Стало быть, кончать?!

ПУТИН (с досадой):

Да к чему же нам расправа, пытки и бои?
Эк у вас зудит-то, право, прыткие мои!
Пусть бы он на волю вышел, шлеп же вашу мать,
Пусть бы я о нем не слышал дней хотя бы пять!

СИЛОВИКИ (с готовностью):

Мы, быть может, грубоваты, выжжены в борьбе,
Но, однако, мы — солдаты, верные тебе!
И тебе даем мы слово: про него, жида,
Ты не будешь слышать, Вова, больше никогда!

Бросаются к Путину и отрывают ему уши.

СДАЧА

*Июль 2001. Югославия во главе с Воиславом Коштуницей
сдала Слободана Милошевича Гаагскому военному
трибуналу.*

ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА (*шепотом, Джинджичу*):

Смелей! Решайся, ренегат,
Ослица Буридана!

ДЖИНДЖИЧ (*неуверенно*):

Воислав! Вишь, какой расклад...
Мы сдали Слободана.

КОШТУНИЦА:

Ну, блин! Не жизнь, а волшебство.
Скандалы на скандале!
Кто согласился взять его
И что за это дали?

ДЖИНДЖИЧ:

Да на него еще когда
Прислали нам бумаги!
Короче, мы сказали «да» —
И он теперь в Гааге.

КОШТУНИЦА (*бледнея*):

Не может быть! Да ты в уме?!
Отдать в Гаагу Слобо!
Теперь мы все в таком дерьме!
И вы! А я — особо!

ДЖИНДЖИЧ:

Ты знаешь, я подумал тут...
Он, знаешь, шизофреник,
А нам сказали, что дадут
За это много денег!

КОШТУНИЦА:

Ух, как взъярится большинство!
Скажи мне, ради бога:
Вы, значит, продали его?

ДЖИНДЖИЧ:

Но денег правда много.

КОШТУНИЦА (*остывая*):

Весь мир теперь остынет к нам...

ДЖИНДЖИЧ:
Воислав, это враки.

КОШТУНИЦА:
Да он с собой покончит там!

ДЖИНДЖИЧ:
Воислав, это вряд ли.

КОШТУНИЦА:
И как я мог не уследить?!
Мне что теперь — убиться?

ДЖИНДЖИЧ:
Но не самим же нам судить
Народного любимца!

КОШТУНИЦА (*с тоской*):
Теперь начнется крик, скандал,
И шум, и тьма кромешна...
Но я не знал! Ведь я не знал?

СОВЕТ МИНИСТРОВ (*хором*):
Не знал! Не знал, конечно!

КОШТУНИЦА (*примиренно*):
Мне лишь Отчизна дорога!
Я чужд угрюмой злобы!
А денег много?

СОВЕТ МИНИСТРОВ:
До фиги!

КОШТУНИЦА:
Но я не знал?

ДЖИНДЖИЧ:
Еще бы!

ПАРА КРУТЫХ

Октябрь 2001. Путин встречается с Бушем.

БУШ:

Мой друг Владимир...

ПУТИН:

Можно Вова.

БУШ:

Любезный друг, не всем дано
Понять друг друга с полуслова,
Но я-то понял вас давно.
Вступив на верную дорогу,
Вы сильно радуете нас.
Ведь демократия, ей-богу,
Всем надоела двадцать раз!

ПУТИН:

Любезный Джорджи!

БУШ:

Можно Жора.

ПУТИН:

И мы признаться вам должны,
Что доигрались до упора
В развале собственной страны.
Мог презирать любой узбек нас,
Про молдаван не говоря...
Какая, блин, политкорректность!
Россия требует царя!

БУШ:

Я знал, что мы пойдем друг друга.
Я знал, что мы друг другу в масть.
Народы наши от испуга
Хотят лизать любую власть.

ПУТИН:

И как тут, Жора, ни крутись ты —
Поверь общественной нужде:
Когда приходят террористы,
Страна нуждается в вожде!

БУШ:

Признаться, Вова, не пора ли —

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru